

Александр Николаевич

РАДИЦЕВ

ПЕРВЫЙ ПРОРОК и МУ-
ЧЕНИК РЕВОЛЮЦИИ

Александр Радицев

Речь, произнесенная на открытии памятника в Петрограде 22 сентября народным комиссаром А. Луначарским. С приложением снимка с памятника Радицеву работы Шервуда, его портрета и избранных страниц из книги его: „Путешествие из Петербурга в Москву“.

Цена 1 р. 20 к.

ИЗДАНИЕ

Петроградского Совета Рабочих и Красноарм. Депутатов

1919

ИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАД Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов.

Смольный, 2-й этаж, комната 51, тел.—34, контора—комн. 54. Книжный магазин—Невский, 116.

Вышли из печати:

Р. К.

Н. Афиногенов (Степной). „Записки ополченца“	1 25
Гайн Ад-ляц. „Крестьянский вопрос во Франции“	— 55
Ватин. „Что такое коммуна?“	— 20
В. Володарский. „Напутственная речь агитаторам“	— 50
„Враги ли евреи рабочим и крестьянам“	— 20
„Венки коммунаров“, сбор. памяти В. Володарского, с рис.	2 —
Н. Горлов. „Темные силы, война и погромы“	— 15
„Евреи, классовая борьба и погромы“	— 10
Г. Зиновьев. „Корни оборончества“	1 10
Его же. „Наше положение и задача создания красной армии“	— 25
Его же. „Австрия и война“	1 80
Его же. „Из истории пролетарск. праздни. 1 мая“	— 30
Его же. „Г. В. Плеханов“. Вместо речи на могиле	— 45
Его же. „Хлеб, мир и партии	— 70
Его же. „Рабочая партия и профессиональные союзы“	2 25
И. Каутовий. „Наука, жизнь и этика“	— 30
Его же. „К. Маркс и его историческое значение“	1 25
Его же. „Экономическое учение К. Маркса“	2 —
П. Лафарг. „Вера в Бога“	— 75
Г. Зиновьев и Н. Ленин. „Против течения“. 1-е изд. разошлось. Вышло 2-е,	10 —
В. Либкнехт. „1848 год и коммуна“. Печ. 2-е изд.	1 30
З. Лилина. „Солдаты тыла“. Женский труд до и после войны	2 10
А. Луначарский и Г. Зиновьев. „К. Маркс и социал. рев.“	— 65
М. Лурье (Ю. Ларин). „Суд над К. Либкнехтом“	— 45
Ленин. „Доклад и заключительная речь на 3-м всеросс. съезде Сов.“	— 25
Раден. „Анархисты и советская власть“	— 12
Бухарин. „Долой международных разбойников“	— 40
Ленин. „Борьба за хлеб“	— 40
К. Цеткин. „Война за свободу и мир в России“	— —
М. Лурье (Ю. Ларин). „Крестьяне и рабочие в русской революции“	— 40
Его же. „Состав пролетариата“. 2-е изд.	— 65
Н. Маркс. „Либералы у власти“	— 65
Н. Маркс и Ф. Энгельс. „О коммунизме“	— 70
Марклевский. „Что такое политическая экономия?“	— 50
Наш рабочий праздник 1 мая	— 20
„Памяти К. Маркса“. Сборник статей. Печ. 2-е изд.	4 50
Николай Клюев. „Медный Кит“. Стихи	1 50
Д. Рязанов. „Две правды“ (Марксизм и народничество)	— 90
Его же. „Обуховское дело“	— 70
Его же. „19 февраля“	— 75
Его же. „К. Маркс и русск. люди 40-х годов“	1 80
Ю. Стеклов. „Черная сотня о Франции“	1 20
Его же. „Революция 1848 г. во Франции“	1 20
Его же. „Прудон“	— 80
Д. Рязанов. „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса“	2 60
Ю. Стеклов. „Поль Лафарг“, 2-е изд.	— 55
Его же. „Новейшее течение во французском антисемитизме“	1 —
Его же. „Интернационал“, ч. I.	4 80

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

РАДИЩЕВ

ПЕРВЫЙ ПРОРОК И МУЧЕНИК
РЕВОЛЮЦИИ

— — — — —

Речь, произнесенная на открытии его памятника в Петрограде 22 сентября народным комиссаром А. Луначарским. С приложением снимка с памятника Радищева работы Шервуда, его портрета и избранных страниц из книги его: **„Путешествие из Петербурга в Москву“**.

Памятник А. Н. Радищеву в Петрограде
(работы Шервуда).

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ.

*Речь нар. ком. Луначарского,
произнесенная на открытии на-
матника Радищеву в Петро-
граде 22 сентября 1918 г.*

„Я оглянул окрест меня. Душа моя страданиями чело-
вечества уязвлена стала“.

Какой величавой и торжественной скорбью веет от
этих простых, старинных слов. Вы видите картину: первый
человек в своей стране, который оглянулся вокруг, по-
смотрел человеческим, любящим, критикующим оком и...
ужаснулся.

Эти слова произнес пророк и предтеча революции
Александр Николаевич Радищев, первый, еще в царство-
вание Екатерины, в пламенных строфах воспевший воль-
ность и восславивший грозный суд народный над царями.

Слава ему!

—А. Н. Радищев родился в 1749 г. О. Он был сын не-
богатого, но гуманного помещика. Однако, вокруг царил
весь ужас крепостничества. Понимал ли его маленький
Радищев? Это вероятно, как вероятно то, что и родители
его, люди добрые, могли осуждать своих диких соседей
и рано заронить зерно мучительной жалости и огненного
негодования в сердце подростка человека великой
совести.

Радищев получил очень хорошее образование, сперва
под руководством новооткрытого в то время Московского
университета, а потом в Лейпциге. За границей его прель-
стила, однако, не столько полусхоластическая немецкая фи-
лософия, сколько блестящая и свободная мысль великих
предшественников Французской революции. Гельвеций,

Мабли, Монтескье, Руссо, открывавшие разуму новые горизонты, потрясавшие своей критикой устой старого порядка и мощно двигавшие сознание народов к идеалам народовластия,—стали тогда и остались на всю жизнь учителями Радищева.

Сперва это вольномыслие не казалось опасным. Ведь сама Екатерина кокетничала либерализмом. Но так было лишь, покуда ей и дворянству либерализм этот не стал казаться губельной угрозой. По мере приближения революции русские власти все круче относились к свободной мысли, еле теплившейся в России, а когда революция во Франции разразилась—императрица ответила на нее свирепыми репрессиями против своих недавних друзей.

Вольнодумный таможенный чиновник Радищев, уже раньше ратовавший за справедливость и имевший столкновения с непосредственным начальством, оказался на самом дурном счету.

Но это его не остановило. Наоборот, революция звала его своим гремящим голосом. и—верный сын и ученик ея—он ответил.

Свою знаменитую книгу: „Путешествие из Петербурга в Москву“ он начал еще в 1785 году, но кончил и выпустил как раз в дни, когда бушевало во Франции революционное пламя, в 1790 году. Книга разошлась всего в ста экземплярах, но весь Петербург говорил о ней. Редко кто с восхищением, большинство читателей, за безграмотностью народа, принадлежало к врагам идей, которые приводил этот отщепенец своего класса, этот опасный перебежчик в лагерь угнетенного и слепого народа, видимо затеявший разбудить его.

Екатерина была права, когда она всполошилась. Екатерина была права, признав Радищева мятежником. Он был им, и в том его—немеркнущая слава.

Нет, то был не только гуманист, потрясенный зверствами крепостного права, предшественник кающегося дворянина, в роде либерального Тургенева, то был революционер с головы до ног, в сердце своем носивший эхо мятежного и победоносного Парижа. Не от милости царей

ждал он спасения „от самого излишества угнетения“, т.-е. от восстания. В своей яркой книге, которую и сейчас читаешь с волнением, он не только то бичуя, то рыдая, то издеваясь рисует нам мрак помещицкой и чиновничьей России, он замахивается выше, он прямо грозит самодержавию, он зовет к борьбе с ним всяким оружием и радуется плахе для царей.

О помещиках он говорит:

„Звери алчные! Пьяницы ненасытные! Что мы крестьянину оставляем? То, чего отнять не можем,—воздух. Да, один воздух! От’емлем нередко от него не только дар земли—хлеб и воду, но и самый свет. Закон воспрещает от’яти жизнь, но разве мгновенно сколько способов от’яти-ее у крестьянина постепенно. С одной стороны, почти все-силие, с другой—немошь беззащитная. Се жребий* заклепанного в узы! Се жребий заключенного в смрадной т е м нице! Се жребий вола в ярме!“

Так тоном библейского пророка клеймит Радищев свое сословие. В оде „К вольности“ он раздражается грозою:

„О дар небес благословенный,
 Источник всех великих дел—
 О вольность! Вольность—дар бесценный!
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром.
 В нем сильных мышц твоих ударом
 В свет рабства тьму ты претвори—
 Да Брут и Тель еще проснутся,
 Сядяй во власти, да смятутся
 От гласа твоего цари.
 Возникнет рать повсюду бранна,
 Надежда всех вооружит
 В крови мучителя венчанна
 Омыть свой стыд уж всяк спешит!
 Меч остр, я зрю, везде сверкает,
 В различных видах смерть летает
 Над гордою главою царя.
 Ликуйте скованы народы
 Се право мщенное природы
 На плаху возвело царя
 И нощи се завесу лживой
 Со треском мощно разодрав,
 Кичливой власти и строптивой

Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел*.

Печатая в открытой, легальной книге те отрывки из „Вольности“, которые я привел, Радищев еще добавляет, что такое будущее ждет именно наше отечество.

Удивительно ли, что по появлении книги автор был арестован и заключен в Петропавловскую крепость? Удивительно ли, что обвинителем против него выступила сама императрица? Удивительно ли, что крамольник приговорен был к смертной казни?

Скорее удивительно, что он все-таки был помилован, и смерть заменена ему была десятилетней каторгой в Илимске.

Радищев вернулся лишь при Павле в 1796 году и поселен был в Саратовской губернии. Тело его было сломлено лишениями сибирской жизни. „Взглянув на меня,—пишет он,—всяк может сказать, колько старость предварила мои лета“.

Но вот воцарился Александр, в воздухе опять повеяло той вредоносной весной, которую самодержцы порой угощали народ. Она принесла с собой смерть великому человеку, душой пребывавшему верным своим идеям.

Вот что рассказывает об этом Пушкин:

„Император Александр приказал Радищеву изложить свои мысли касательно некоторых гражданских установлений. Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину, и в проекте, представленном начальству, предался прежним своим мечтам. Граф Завадовский удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: „Эх, Александр Николаевич! Охота тебе пустословить по-прежнему, или мало тебе было Сибири?“

В этих словах Радищев увидел угрозу; огорченный и испуганный он вернулся домой и... отравился“.

Убежденный, как никогда, в несправимости самодержавия и чувствуя, как далек еще предсказанный им революционный рассвет, Радищев сказал: „Уйду я лучше от вас, звери, а заветы мои пребудут до лучших дней“.

Эти дни пришли.

Победоносная трудовая русская революция ведет беспощадную войну с помещиками, и на ту часть интеллигенции, которая осмелилась стать ей поперек дороги, она наложила тяжелую руку трудовой диктатуры, но не случайно, что первый памятник, воздвигаемый ею, отдает честь помещику и интеллигенту. Ибо тут стоит перед вами образ помещика, отрясшего прах дворянский от ног, с ужасом отошедшего от них и народу принесшего сердце полное святого гнева и горячей любви. Тут перед вами интеллигент, который знанием своим воспользовался, чтобы бросить яркий луч в ад старого порядка и осветить перед всеми его гнойные язвы.

Вы видите, товарищи: мы заставили для Радищева сторониться Зимний дворец, бывшее жилище царей. Вы видите: памятник поставлен в брешь, проломанной в ограде дворцового сада. Пусть эта брешь являет собою для вас знамение той двери, которую сломал народ богатырской рукой, прокладывая себе дорогу во дворцы. Памятнику первого пророка и мученика революции не стыдно будет стоять здесь, словно стражу у Зимнего дворца, ибо мы превращаем его во дворец народа: в его кухнях будем готовить для трудящихся пищу телесную, в его Эрмитаже, в его театре и великолепных залах обильно дадим пищу духовную.

Теперь смотрите на величественное и гордое, смелое, полное огня лицо нашего предвестника, как создал его скульптор Шервуд. В нем живет нечто смятенное, вы чувствуете, что бунт шевелится в сердце этого величаво откинувшего орлиную голову человека.

Радищев сам дал характеристику своей души. Вот что говорит он о людях, ему подобных:

„Люди сии, укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных путей и вда-

ются в неизвестные и непреложные. Деятельность есть знаменующее их отличие, и в них-то сродное человеку беспокойство является ясно. Беспокойствие, произведшее все, что есть изящное и все уродливое, касающееся обоюдно даже до пределов невозможного и непонятного, возродившее вольность и рабство, веселие и муку, покорившее стихии, родившее мечтание и истину, ад, рай, сатану и бога“.

Могучую душу носил в себе этот человек, но когда подбирал выражения для общей ее характеристики, то называл ее „умом изящным“, и черты этого изящества сумел рядом с мощью и мятежностью придать его голове Шервуд.

Пока мы ставим памятник временный.

Наш вождь Владимир Ильич Ленин подал нам эту мысль: „Ставьте как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и прямоту их чувства. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры“.

В исполнение этого плана мы и ставим здесь первый памятник нашей серии монументальной пропаганды. Но памятник так прекрасен, что мы сейчас же приступим к работе для того, чтобы открыть его в бронзе на долгие века.

Товарищи! Пусть искра великого огня, который горел в сердце Радищева и отсвет которого ярко освещает вдохновенное лицо его, упадет в сердце каждому из вас, присутствующих на этом открытии, и в сердце всех тех многочисленных прохожих, которые в этом людном месте Петербурга остановятся перед бюстом и на минуту задумаются перед доблестным предком.

Я. Лукачарскій.

А. М. К.

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно,—о! сочувственник мой,—посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно—и ты мой друг.

Я взглянул окрест меня—душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает не прямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блюдящего невинно сокрыла истину на веки? Ужели сия грозная мачиха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженства николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. „Отими завесу с очей природного чувствования—и блажен буду“. Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и—веселие неизреченное! я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть в благодетии себе подобных.—Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною

над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит; не сугубый ли плод произойдет от под'ятого мною труда?.. Почто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близь моего сердца живешь — и имя твое да озарит сие начало.

ЛЮБАНИ.

Зимою ли я ехал или летом, для вас думаю равно. Может быть и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками, поедут на санях, а возвращаются на телегах.—Летом.—Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком.—В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы.—Первого сорок минут.—Я выехал в субботу.—Сего дня праздник.—Пашущей крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет.—Крестьянин пашет с великим тщанием.—Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.—Бог в помощь, сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду.—Бог в помощь, повторил я.—Спасибо, барин, говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.—Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям.—Нет, барин, я прямым крестом крещусь, сказал он, показывая мне сложенные три перста. А Бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.—Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самой жар.—В неделе то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господский

двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай Бог, крестясь, чтобы под вечер сего дня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они, того же у Господа молят.—У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не кленет. Велика ли у тебя семья?—Три сына и три дочки. Первенькому то десятый годок.—Как же ты успеваешь доставать хлеба, коли только праздник имеешь свободным?—Не одни праздники и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли одна лошадь отдыхает, а как ета устанет, возмусь за другую; дело то и споро.—Так ли ты работаешь на господина своего.—Нет, барин, грешно бы было так же работать: У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты щет знаешь. Да, хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без прикащика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье, заводится отдавать, деревни, как то называется, на аренду. А мы называем ето отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимом не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того, что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного прикащика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?—Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.—Мучить? Правда: но небось, барин, не захочешь в мою кожу.—Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни платят известное, а другие должны быть готовы

платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный, когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.—Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу я твое осуждение.—Углубленный в сих рзмышлениях я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распротираться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал. Ты во гневе твоём, говорил я сам себе, устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей, а сам не то же ли или еще хуже того делаешь. Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному, сном.—Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетью, ни батожем. (О умеренный человек!),—и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может.—Вспомни тот день, как Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О если бы он тогда, хотя пьяный опомнился, и тебе отвсчал бы соразмерно твоему вопросу!—А кто тебе дал власть над ним?—Закон.—Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Нещастный... Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

МЕДНОЕ.

„Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли“... Хоровод молодых баб и девок—пляшут—подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля.—Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задержались печалию и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся Российская Империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про... или раздарено, потеряно в огне, или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг, или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется.—Публикуется.—„Сего... дня пополуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городского магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного Капитана Г... недвижимое имение, дом, состоящий в... части, под №... и при нем шесть душ мужского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желющие могут осмотреть заблаговременно“.

На дешевое охотников всегда много. Наступил день и час продажи. Покупщики съезжаются. В зале, где оная производится, стоят неподвижны на продажу осужденные. Старик лет в 75, опершись на вязовой дубинке, жаждет угадать, кому судьба его отдаст в руки, кто закроет его глаза. С отцом господина своего он был в Крымском походе, при фельдмаршале Минихе в Франкфуртскую бата-

лию, он раненого своего господина унес на плечах из строя. Возвратясь домой, был дядькою своего молодого барина. Во младенчестве он спас его от утопления, бросясь за ним в реку, куда сей упал, переезжая на пароме, и с опасностью своей жизни спас его. В юношестве выкупил его из тюрьмы, куда посажен был за долги, в бытность свою в гвардии унтер-офицером.—Старуха 80 лет, жена его, была кормилицею матери своего молодого барина; его была нянькою и имела надзирание за домом до самого того часа, как выведена на сие торжище. Во все время службы своя ничего у господ своих не утратила, ни чем не покорыстовалась, никогда не лгала, а если иногда им досадила, то разве своим праводушием.—Женщина лет в 40, вдова, кормилица своего молодого барина. И до днесь чувствует она еще к нему некоторую нежность. В жилах его льется ее кровь. Она ему вторая мать, и ей он более животом своим обязан, нежели своей природной матери. Сия зачала его в веселии, о младенчестве его не радела. Кормилица и нянька его были его воспитанницы. Они с ним расстаются как с сыном.—Молодица 18 лет дочь ее и внучка стариков. Зверь лютый, чудовище, изверг! Посмотри на нее, посмотри на румяные ее ланиты, на слезы, лиющиеся из ее прелестных очей. Не ты ли, невозможши прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни утратить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника твоих мерзостей, и в виде его наслаждался веселием, которого она делить с тобой гнушалась. Она узнала обман твой. Венчанный с нею не коснулся более ее ложа, и ты, лишен став твоя утехы, употребил насилие. Четыре злодея, исполнители твоя воли, держа руки ее и ноги... но сего не окончаем. На челе ее скорбь, в глазах отчаяние. Она держит младенца, плачевный плод обмана или насилия, но живой слепок прелюбодейного его отца. Родив его, позабыла отцово зверство, и сердце начало чувствовать к нему нежность. Она боится, чтобы не попасть в руки ему подобного.—Младенец... Твой сын, варвар, твоя кровь. Иль думаешь, что где не было обряда церковного, тут

нет и обязанности. Иль думаешь, что данное по приказанию твоему благословение, наемным извещателем слова Божия, сочтование их утвердило, иль думаешь, что насильственное венчание во храме Божиим может назваться союзом? Всесильный мерзит принуждением, он услаждается желаньями сердечными. Они одни непорочны. О! колико между нами прелюбодейств и растлений совершается во имя отца радостей и утешителя скорбей, при его свидетелях, недостойных своего сана.—Детина лет в 25, венчанный ее муж, спутник и наперстник своего господина. Зверство и мщение в его глазах. Раскаивается о своих к господину своему угождениях. В кармане его нож, он его схватил крепко; мысль его отгадать не трудно... Бесплодное рвение. Достанешься другому. Рука господина твоего, носящаяся над главою раба непрестанно, согнет выю твою на всякое угождение. Глад, стужа, зной, казнь, все будет против тебя. Твой разум чужд благородных мыслей. Ты умереть не умеешь. Ты склонишься и будешь раб духом, как и состоянием. А если бы восхотел противиться, умрешь в оковах томною смертию. Судии между вами нет. Не захочет мучитель твой сам тебя наказывать. Он будет твой обвинитель. Отдаст тебя градскому правосудию.—Правосудие! — где обвиняемый не имеет почти власти оправдаться.—Пройдем мимо других несчастных, выведенных на торжище.

Едва ужасоносный молот испустил тупой свой звук, и четверо несчастных узнали свою участь—слезы, рыдание стон пронзили уши всего собрания. Наитвердейшие были тронуты. Окаменелые сердца! по что бесплодное соболезнование? О, квакеры! Если бы мы имели вашу душу, мы бы сложились и, купив сих несчастных, даровали бы им, свободу.—Жив многие лета в объятиях один другого, несчастные сии в поносной продаже восчувствуют тоску разлуки. Но если закон, иль лучше сказать обычай варварской, ибо в законе того не писано, дозволяет толикое человечеству посмеяние, какое право имеете продавать сего младенца? Он незаконнорожденный. Закон его освобождает. Постойте, я буду доноситель; я избавлю его.

Если бы с ним мог спасти и других! О, щастие! по что ты так обидело меня в твоём разделе! Днесь жажду вкусити прелестного твоего взора, впервые ощущать начинаю страсть к богатству.—Сердце мое столь было стеснено, что, выскочив из среды собрания и отдав несчастным последнюю гривну из кошелька, побежал вон. На лестнице встретился мне один чужестранец, мой друг.—Что тебе сделалось? ты плачешь? Возвратись,—сказал я ему;—не будь свидетелем срамного позорища. Ты проклинал некогда обычай варварский в продаже черных невольников, в отдаленных селениях твоего отечества; возвратись, повторил я, не будь свидетелем нашего затмения, и да не возвестиши стыда нашего твоим согражданам, беседуя с ними о наших нравах.—Не могу сему я верить,—сказал мне мой друг,—невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение.—Не дивись, сказал я ему, установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу нежели овцу во Христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения.

ТВЕРЬ.

Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поезия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера, и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По нещастию случилось, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все, вслед за ними, не воображают, чтобы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Юва, или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков Семиру или Дмитрия напиел хорейми, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами опричь ямбов, и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани, свойственным епопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, ексаметрах, и Костров хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

Но ни одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимый возовик Тредияковский немало к тому способствовал своею Телемахидою. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен ямбами, и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекеспира или Вольтера. Тогда и Тредияковского выруют из поросшей мхом забвения могилы, в Телемахиде найдутся добрые стихи, и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французкой язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того в стихотворении так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно, а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекеспир, Тассо и многие другие читаны будут, доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль, или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было неизлишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российской язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений

делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод Генриады не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы.

Все вышесказанное изрек пирной мой товарищ, одним духом и с толикою поворотливостью языка, что я не успел ничего ему сказать на возражение, хотя много кой-чего имел на защищение, ямбов и всех тех, которые ими писали.

Я и сам,—продолжал он,—заразительно последовал примеру и сочинял стихи ямбами, но то были оды. Вот остаток одной из них, все прочие сгорели в огне; да и оставшуюся та же ожидает участь, как и сосестр ее постигшая. В Москве не хотели ее напечатать по двум причинам: первая, что смысл в стихах неясен и много стихов топорной работы, другая,—что предмет стихов не свойствен нашей земле. Я еду теперь в Петербург просить о издании ее в свет, ласкаясь яко нежной отец своего дитяти, что ради последней причины, для коей ее в Москве печатать не хотели, снисходительно воззрят на первую. Если вам не в тягость будет прочесть некоторые строфы,—сказал он мне, подавая бумагу.— Я ее развернул и читал следующее. Вольность... Ода... За одно название отказали мне издание сих стихов. Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: „вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам“. Следственно, о вольности у нас говорить вместно.

1.

О! дар небес благословенный.
 Источник всех великих дел;
 О! вольность, вольность, дар бесценный!
 Позволь, чтоб раб тебя воспел.
 Исполни сердце твоим жаром,
 В нем сильных мышц твоих ударом,
 Во свет, рабства тьму, претвори
 Да Брут и Тель еще проснутся,
 Седай во власти, да смятутся
 От гласа твоего Цари.

Сию строфу обвинили для двух причин, за стих, „во свет рабства тьму претвори“. „Он очень туг и труден на

изречение, ради частого повторения буквы Т, и ради со-
ития частого согласных букв, „бства тьму претв.“ на де-
сять согласных три гласных, а на российском языке то-
лико же можно писать сладостно, как и на итальянском...
Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя
в негладкости стиха изобразительное выражение трудности
самого действия... Но вот другой: „да смятутся от гласа
твоего Цари“. Желать смятению, Царю, есть то же, что
желать ему зла; следовательно... Но я не хочу вам наску-
чить всеми примечаниями, на стихи мои сделанными. Мно-
гие, признаюсь, из них были справедливы. Позвольте что-
бы я вашим был чтедом.

2.

Я в свет изшел, и ты со мною...

Сию строфу пройдем мимо. Вот ее содержанье... Чело-
век во всем от рождения свободен...

3.

Но чтож претит моей свободе,
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно,
Для пользы общей нет препон,
Во власти всех своей зрю долю:
Свою творю, творя всех волю;
Вот что есть в обществе закон.

4.

В середине злачные долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив.
Пароска мрамора белее.
Яснейше дня, лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм.
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
„Конец, невинности бедам“.

5.

Оливной ветвию веньчанно,
На твердом камени седяя;

ТВЕРЬ

Безжалостно и хладноправно,
Глухое божество

И пр. изображается законом в виде божества во храме,
кого стражи суть истина и правосудие.

6.

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя;
Равно на все взирает лица,
Ни ненаввидя, ни любя.
Он лести чужд, лицеприятства.
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенные тли;
Родства не знает, ни приязни
Равно делит и мзду и казни,
Он образ Божий на земли.

7.

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечастно,
Но полны челюсти отрав.
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
Его отчизна там гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить всем велит.

8.

Покрывши разум темлотою
И всюду вея ползкий яд...

Изображение священного суеверия, отъемлющего у человека чувствительность, влекущее его в ярем порабощения и заблуждения, во броню его облекшее:

Боятся истины велел..

Власть называет оное, изветом божества; рассудок—обманом.

9.

Возрим мы в области обширны,
Где тусклой трон стоит рабства;

В мире и тишине суеверие священное и политическое,
подкрепля друг друга.

Союзно общество гнетут.
 Одно сковать рассудок тщится,
 Другое волю стерть стремится;
 На пользу общую рекут.

10.

Покоя рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет;
 Где все ума претит стремленью.
 Великость там не прозябет.

И все злые следствия рабства, как то: беспечность, лень, коварство, голод и пр.

11.

Чело надменное вознесши,
 Схватив железный скипетр, царь,
 На громном троне, властно севши,
 В народе зрит лишь подлу тварь.
 Живот и смерть в руке имея:
 „По воле, рек, шажу злодея,
 „Я властью могу дарить;
 „Где я смеюсь, там все смеется;
 „Нахмурюсь грозно, все смятется.
 „Живешь тогда, велю коль жить“.

12.

И мы внимаем хладнокровно...

Как алчной змий, ругаяся всем, отравляет дни веселья и утех. Но хотя вокруг твоего престола все стоят преклонше колена; трепещи, се мститель грядет прорицая вольность...

13.

Возникнет рать повсюду бранна,
 Надежда всех вооружит;
 В крови мучителя венчанна,
 Омыть свой стыд уж всяк спешит.
 Меч остр, я зрю везде сверкает;
 В различных видах смерть летает
 Над' гордою главою паря.
 Ликуйте склепанны народы;
 Се право мщенное природы
 На плаху возвело царя.

14.

И ноши се завесу лживой,
 Со треском мощно разодрав,

Кичливой власти и строптивой,
 Огромной истукан поправ;
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его, как гражданина,
 К престолу, где народ воссел:
 „Преступник власти мною данной!
 „Вещай злодей, мною венчанной,
 „Против меня восстать как смел?

15.

„Тебя облек я во порфиру
 „Равенство в обществе блюсти,
 „Вдовицу призирать и сиру,
 „От бед невинность чтоб спасти,
 „Отцем ей быть чадолюбивым;
 „Но мстителем непримиримым,
 „Пороку, лже и клевете;
 „Заслуги честью награждати,
 „Устройством зло предупреждати,
 „Хранити нравы в чистоте.

16.

Покрыл я море кораблями... Дал способ к приобретению богатств и благоденствия. Желал я, чтобы земледелец не был пленник на своей ниве и тебя бы благословлял...

17.

„Своих кровей я без пощады
 „Гремящую воздвигнул рать;
 „Я медны изваял громады,
 „Злодеев внешних чтоб карать.
 „Тебе велел повиноваться,
 „С тобою к славе устремляться,
 „Для пользы всех мне можно все,
 „Земные недра раздираю,
 „Металл блестящий извлекаю,
 „На украшение твое.

18.

„Но ты забыв мне клятву данну,
 „Забыв, что я избрал тебя;
 „Себе в утеху быть венчанну
 „Возмнил, что ты Господь, не я;
 „Мечем мои расторг уставы;
 „Безгласными поверг все права,
 „Стыдиться истине велел.

„Расчистил мерзостям дорогу,
 „Взывать стал не ко мне, но к Богу
 „А мной гнушаться восхотел.

19.

„Кровавым потом доставая
 Плод, кой я в пищу насадил,
 „С тобою крохи разделяя,
 „Своей натуги не щадил;
 „Тебе сокровищей всех мало!
 „На чтож скажи их недостало,
 „Что рубище с меня сорвал?
 „Дарить любимца полна лести!
 „Жену чуждающую чести!
 „Иль злато Богом ты признал?

20.

„В отличность знак изобретенный
 „Ты начал наглости дарить;
 „В злодея меч мой изощренный
 „Ты стал невинности судить;
 „Сгруженные полки в защиту,
 „На брань ведешь ли знамениту,
 „За человечество карать?
 „В кровавых борешься долинах,
 „Дабы удившиися в Афинах,
 „Ирой, зевав могли сказать.

21.

Злодей злодеев всех лютейший...
 Ты все совокупил злодеяния, и жало свое в меня устремил..
 Умри, умри же ты сто крат.
 Народ вешал...

22.

Великий муж, коварства полный,
 Ханжа, и льстец, и святотать!
 Един ты, в свет столь благотворный
 Пример великий мог подать.
 Я чту Кромвель в тебе злодея,
 Что власть в руке своей имея,
 Ты твердь свободы сокрушил.
 Но научил ты в род и роды,
 Как могут мстить себя народы,
 Ты Карла. на суде, казнил.

23.

И се глас вольности раздается во все концы...
 На вече весь течет народ:

Престол чугунный разрушает,
 Самсон как древле сотрясает,
 Исполненный коварств чертог.
 Законом строит твердь природы.
 Велик, велик ты, дух свободы,
 Зиждителен как сам есть Бог!

24.

В следующих одиннадцати строфах заключается описание царства свободы и действия ее; то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...

34.

Но страсти изощряя злобу...
 Превращают спокойствие граждан в пагубу...
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздирают,
 И все следствия безмерного желания властвовать...

35. 36. 37.

Описание пагубных следствий роскоши. Междоусобий. Гражданская брань. Марий, Сулла, Август...

Тревожну вольность усыпил.
 Чугунный скипетр обвил цветами... следствие того—порабощение...

38. 39.

Таков есть закон природы; из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...

40.

На что сему дивиться, и человек рождается на то, чтобы умереть...

Следующие 8 строф содержат прорицания о будущем жребии отечества, которое разделится на части, и тем скорее, чем будет пространнее. Но время еще не пришло. Когда же оно наступит, тогда

Встрещат заклены тяжкой ночи.

Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову, и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность.....

49.

Но человечество возревет в оковах, и направляемое надеждою свободы и неистребимым природы правом,

двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда
всех сил сложение, тогда тяжелая власть

Развеется в одно мгновенье.

О, день избраннейший всех дней!

50.

Мне слышится уж глас природы,

Начальный глас, глас божества.

Мрачная твердь позабылась и вольность воссияла.

Вот и конец,—сказал мне новомодный стихотворец.—Я
очень тому порадовался и хотел было ему сказать, может
быть неприятное на стихи его возражение, но колоколь-
чик возвестил мне, что в дороге складнее поспешать на
почтовых клячах, нежели карапкаться на пегаса, когда
он с норовом.

Ю. Стенлов. „Интернационал“, ч. II	2	23
Сергей Н. Срединский. „Основы газетного дела“.	2	30
Самойлова. „Современная безработица и борьба с нею“	1	10
Троцкий. „Труд, дисциплина и порядок“	—	30
Троцкий. „Слово к рабочим и крестьянам“	—	45
К. Цеткин. „За большевиков“	—	45
Ее же. „Интеллигент, пролетариат, женский вопрос и социализм“	—	70
* * * „Мировая война“, с предисловием Г. Зиновьева	—	65
Г. Зиновьев. „Речь о создании красной армии“ (2-е изд.)	—	25
Илья Ионов. „Алое поле“. Стихотворения (2-е изд.)	—	65
А. Бебель. „Из моей жизни“. Мемуары, т. I	4	20
Басов-Верховиц. „Венок“. Сказки	2	50
Горичев. „Таблица исчисления заработной платы от 150 до 1000 р. при 6-ти и 8-ми час. рабочем дне“	2	50
Степанов. „Жан-Поль Маратъ“	—	40
Рязанов. „Г. В. Плеханов и группа Освобождение труда“	—	90
К. Маркс. „Наемный труд и капитал“	—	50
Г. Зиновьев. „О мятеже левых эс-эров“	—	60
Его же. „Социализм и война“	1	—
Н. Каутский. „Этика“	2	25
Литературный сборник, посвящен. памяти Г. В. Плеханова		
В. Либкнехт. „Воспоминания о Марксе“	1	20
Н. Эйсер. „В. Либкнехт, его жизнь и деятельность“	1	30
Норольевич. „Финансовые и экономические законы и мероприятия Гер- мании против держав Согласия“	—	25
Бухарин. „Программа коммунистов“	—	75
А. Богданов. „Красная звезда“	2	60
Иий. „Что такое социализм“. 2-е испр. изд. разошлось. Печ. 3-е изд.	—	65
Его же. „Республика Советов“. 4-ое исправл. и дополненное издание	—	25
Б. Мещеряков. „Деревенская беднота и путь к социализму“	—	40
В. Либкнехт. „Два мира“	—	85
Банс. „Великая французская революция“		
Д. В—ни. „Уголок немецкой оккупации“	—	50
Ромэн Реллан. „Жан Кристоф“. „Сердце Франции“. Т. VII.	2	25
Зиновьев. „Н. Ленин. Жизнь и деятельность“. Печ. 2-е изд.	1	20
Нязев. „Красное Евангелие“	1	—
Иий. „Сельская коммуна“	—	20
В. Нязев. „Красные звоны и песни“	2	50
И. Ясинский. „Воскреснувшие сны“	2	40
Барбюзо. „В огне“. Дневн. одного вьвода. Пер. И. А., с пред. М. Горького.	3	50
„Декреты о суде“	1	50
Ноллонтай. „Работница-мать“	—	35
— Демав. „Фленго“. Рассказ из времен. коммуны 71 г.	—	25
Лафарг. „Происхождение религиозных верований“	—	60
Его же. „Влагодетельность и право на труд“	—	60
Зиновьев. „Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс“		
Самойлова. „Продовольственный вопрос и Советская власть“	—	90
Конколь. „Коммуна 71 г.“	—	70
Логинов. „На страже“. Стихотворения. Сатиры.		
Жоррес. „Мир и пролетариат“	—	45
Мирбо. „Жан и Мадлена“. Драма.	1	50
В. Либкнехт. „К юбилею мартовской революции“		
Ж. Горький. „Макар Чудра“	—	60
Ф. Энгельс. „Философия, полит. экон. и социал. (Анти-Дюринг)“	5	80
Тюрлан. „Парижская коммуна“. Печатается 2-е изд.	—	90
Банс. „Парижская коммуна“	—	70
Вандервальде. „Социализм и искусство“	—	90
Олар. „Пол. ист. Франц. революц.“	13	

П а т ю т с я:

- Н. Ленин. „Заключит. слово на 4-й с'езде Совдепов“.
- Его же. „За 12 лет“. Собрн. статей.
- Его же. „Диктатура пролетариата и ренегат К. Каутский“.
- К. Каутский. „Сборник статей“.
- Лиссагаре. „История Париж. Комм.“.
- Бebelь. „Мемуары“. В 3-х томах.
- Его же. „Полож. жен. в ист. в. в. бн.“.
- А. Арну. „Народ. ист. Париж. Комм.“.
- В. Блос. „Ист. Француз. революции“.
- П. Лафарг. „Труд и капитал“.
- Кунов. „Франц. пресса в первые годы Франц. революции“.
- В. Моррис. „Вести ниоткуда“. (Утоп.).
- Слемир Буржа. „На плахе“. Ром. из врем. Франц. рев. О иллюстрац.
- Арну. „Мертвецы коммуны“.
- Дикштейн. „Кто чем живет“.
- Нерженцев. „Как вести собрания“.
- Его же. „Республика молодежи“.
- Его же. „Борьба за землю и волю в Ирландии“.
- Лафарг. „Патриотизм буржуазии“.
- В. Войнич. „Эвод“ Роман.
- Луначарский. „Развитие Интернапоп.“
- А. Луначарский. „Боролевский градо-бреж“. (Власов). Н. Песа.
- Его же. „Комедия“.
- Троцкий. „Жан Жорес“.
- Зиновьев. „Война и кризис соц.“ Ч. П.
- Каутский. „Ирландия“.
- Маринс. „Биография Эдгелса“.
- А. Бeбeль. „Христиан. и социализм“.
- Каутский. „Томас Мор и его утопия“.
- Рановский. „Социализм и война“.
- К. Маркс. „Гражданская война во Франции“.
- Максим Горький. „Рассказы“.
- Бруснин. „Рассказы“.
- Ромэн Роллан. „Ярмарка на площади“.
- Его же. „В стороне от схватки“.
- Н. Чуковский. „Уот Уйтман. Поэзия грядущей демократии“.
- Муйшель. „Рассказы“.
- Немирович-Данченко. „Рассказы“.
- Дитцген. „Религия социал-демокр.“

Готовятся к печати:

- С. Мендельсон. „Парижская коммуна 18-го марта“.
- Шарль Андлер. „Введение и комментарий к Коммунистическ. манифесту“.
- Генрих Шанн. „Мадам Летро“, др. в 3-х д. (из врем. Франц. революции).
- Жюль Гэд. „На страже“. Сб. пол. ст.
- Франц Мерийг. „К. Маркс в изгнании“.
- Юниус. „Кризис социал-демократии“, с предисловием Н. Денина.
- Павлович. „Смерть Жореса“.
- Леви-Брюль. „Несколько страниц из жизни Жореса“.
- Джиованнолли. „Спартак“ (полн. пер.).
- Эрман-Шагриан. „История одного крестьянина“. Пол. перев. Богдановича.
- Мишель. „Коммуна“.
- Бюхнер. „Смерть Дантона“.
- Саймонс. „Социальные силы в ист.“.
- Гауптман. „Тячи“. Драма.
- Песни коммуны. (Съ иллюстр.).
- В. Володарский. „Речи“.
- Ромэн Роллан. „Жан Кристоф“. О предислов. Луначарского.

Серия утопических романов.

- Беллами. „Через 100 лет“.
- Его же. „Равенство“.
- Т. Кампанелла. „Государство-солнце“.
- Т. Мор. „Утопия“.

Художественные картины:

- 1) У врат социализма. 2) Светоч социализма—по 1 р. 50 в.
- Портр.: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Луначарского, К. Маркса.
- Вакамы выполн. по получ. зад. Организац. и обществен. учрежд.—скидка.